

Автор перевода: Бенедикт

Стивен Кинг
История Лиззи

I. Лиззи и Аманда (всё по-прежнему)

1.

Жена известного писателя для посторонних глаз все равно что невидимка – никто не знал это лучше Лиззи Лэндон. Ее муж в свое время получил Пулитцеровскую и Национальную Книжную премии, однако Лиззи за всю свою жизнь дала лишь одно интервью – модному женскому журналу, который вел колонку под названием «Да, он мой муж!» Публикация состояла из пятисот слов; в первой половине Лиззи объясняла, почему ее домашнее прозвище рифмуется с «СиСи», вторая, по большей части, являлась фирменным рецептом томленого ростбифа. Аманда, сестра Лиззи, считала, что на фотографии к интервью она выглядит толстой.

Ни одну из сестер Дебашер, что родом из Лизбон Фоллс, нельзя было упрекнуть в чрезмерной учтивости – если возникала возможность натравить кошку на голубей, ею тут же пользовались (отец называл это «поддать вони»). Все они любили покопаться в чужом белье, но лишь с Амандой иногда возникали настоящие проблемы. Старшая – и страннейшая – из всех, она жила одна, в доме, который содержала Лиззи и который находился в приятном местечке со спокойным климатом недалеко от Касл Вью (с тем расчетом, чтобы Лиззи, Дарла и Кантата могли приглядывать за ней). Лиззи купила этот дом семь лет назад – за пять до смерти Скотта. Преждевременной смерти. Скоропостижной – так, кажется, говорят. Она до сих пор не могла поверить, что прошло уже два года. Лиззи казалось, что она не успела и моргнуть.

Аманда появилась на третий день после того, как Лиззи приступила к уборке рабочих кабинетов мужа – больших и хорошо освещенных комнат, которые раньше были подчердачными служебными помещениями гаража. Она уже успела разобрать все зарубежные издания (которых насчитывались сотни) и принялась помечать звездочками те предметы мебели, которые

решила оставить себе. Лиззи ждала, когда же Аманда попросит ее шевелиться *быстрее*, ради всего святого, но та не задавала никаких вопросов. Когда Лиззи покончила с мебелью и перешла к нескончаемым кипам писем в картонных коробках, что занимали целый шкаф, Аманду заинтересовали различного рода памятные вещи, разложенные вдоль всей южной стены. Она бродила рядом с этой змееподобной конструкцией, не говоря ни слова (или ограничившись одним-двумя), лишь быстро записывая что-то в свой маленький блокнот.

Лиззи не спрашивала: *ты что-то ищешь?* Или: *что ты там пишешь?* Как не раз замечал Скотт, она обладала, несомненно, редчайшим человеческим качеством: никогда не лезла вам в мозги, если вы сами того не хотели. Если, конечно, это не касалось изготовления взрывчатки – а ведь в случае с Амандой взрывчатку ни в коем случае нельзя было сбрасывать со счетов. Просто Аманда была из тех женщин, к которым бесполезно приставать с вопросами – когда придет время, она все расскажет сама. Ее муж в восемьдесят пятом уехал на юг – прямо из Рамфорда, где они жили («словно парочка росомах, пойманных в водосточной трубе», – заметил Скотт после совместного ужина, который он поклялся никогда не повторять). Ее единственный ребенок – Интермеццо или Метси для краткости – убежала из дома в Канаду с водителем грузовика в восемьдесят девятом. «Один на юг, другой на север, а третий все не замолчит». Это была одна из присказок их отца, и, конечно же, третьей была Аманда, той самой дочкой Денди Дейва Дебашера, которая никак не могла унять свой язык – и в итоге оказалась брошенной сначала мужем, а затем и собственной дочерью.

Несмотря на то, что общение с Амандой не всегда было приятным, Лиззи не хотела, чтобы она оставалась в Рамфорде одна. Она не могла доверить ее самой себе, если уж на то пошло, и хотя Лиззи никогда не говорила об этом вслух, она была уверена, что Дарла и Кантата придерживаются того же мнения. Поэтому она поговорила со Скоттом. Вот так они и нашли этот домик на Кейп Код, который обошелся им в девяносто семь тысяч долларов наличными, и Аманда переехала туда почти сразу же. А вот теперь Скотт умер, и Лиззи забирала последние вещи из его личных писательских владений.

К полудню четвертого дня все зарубежные издания были упакованы в коробки, корреспонденция отсортирована в некоем подобии порядка, мебель поделена на ту часть, что останется, и ту, что Лиззи заберет с собой. И все же ее не покидало ощущение, что завершена лишь малая часть дел в доме – с самого начала она знала, что быстро расквитаться со всем не получится, и дело не в том потоке настойчивых писем и звонков, что она получила с момента смерти Скотта (не говоря уже о личных визитах)... Она предполагала, что так или иначе люди, проявляющие интерес к неопубликованным вещам Скотта, получают свое – но твердо решила, что без ее согласия этого не случится. Сначала они не могли смириться с этим, теперь же, как думала Лиззи, их мнение поменялось.

Вещи, которые остались после Скотта, назывались по-разному. Она запомнила лишь одно слово – *меморабилия*¹. Было и другое, забавное, что-то вроде *инкункабилла*². Все эти нетерпеливые льстецы мечтали о сокровищах Скотта, а особо настойчивые – об *инкункабиллах* Скотта. Лиззи про себя называла таких людей *инкуны*.

2.

Больше всего она ощущала упадок сил – особенно после того, как появилась Аманда. Словно она недооценила тяжесть поставленной задачи либо, наоборот, переоценила собственные возможности. В любом случае, все пришло к неизбежному финалу – мебель сложена в гараже, ковры свернуты и обернуты пленкой, желтый грузовой фургон стоит на подъездной дорожке и отбрасывает тень на забор, отделяющий их лужайку от лужайки Гэллоуэев.

Ах да, и не забудьте о печальной душе этого места – трех компьютерах (вообще-то их было четыре, но судьба четвертого потерялась где-то в закоулках памяти Лиззи). Каждый из них был легче и новее пропавшего, но даже самый новый представлял собой массивную настольную модель... и все они были в рабочем состоянии. Доступ к компьютерам был защищен паролями, которых Лиззи не знала. Она и не пыталась узнать, так что о содержимом жестких дисков она могла только

¹ *Memorabilia*, от *memorabilium* (лат.) – памятные, ценные вещи.

² Лиззи имеет в виду термин *инкунабула* (*incunabulum*). Изначально обозначал первопечатные книги до 1501 г., позже – обобщенное название первого издания любой книги. Ей же кажется, что *инкункабилла* – это неизданная рукопись.

догадываться. Списки покупок? Стихотворения? Эротика? Она была уверена, что отсюда можно было выходить в Интернет, но понятия не имела, на какие странички заглядывал Скотт. «Амазон»? «Драдж»? «Записи Хэнка Вильямса»? «Золотой Душ и Башня Силы мадам Круэллы»³? О последнем варианте, разумеется, она старалась не думать – нет ничего забавного в том, чтобы обнаружить в конце месяца подобный счет среди кучи остальных. Так или иначе, если Скотт хотел скрывать от нее тысячу-другую – он вполне мог себе это позволить, а пароли... Самое забавное в том, что он, возможно, и говорил ей о них. Лиззи была способна забыть и собственное имя.

Она откинулась назад и сдула волосы со лба. *Не буду трогать рукописи до июля*, – подумала она. – *Инкуны окончательно спят, если узнают, что я так копаюсь. Особенно такие, как последний.*

Последним был тот, что приходил пять месяцев тому назад. Он пытался держать себя в руках, пытался быть вежливым... Лиззи сказала ему, что кабинет Скотта пустует уже полтора года, но, как ей кажется, сейчас она почти готова вернуться туда и разобрать все вещи.

Посетителя звали Джозеф Вудбади, он был профессором кафедры английского языка в Университете Питтсбурга. Этот университет являлся *alma mater* Скотта, и курс, который сейчас преподавал в нем Вудбади – «Скотт Лэндон и американский миф» – был сейчас очень популярен. К тому же Джозеф в этом году вел четырех выпускников, выбравших темой своих дипломных работ творчество Скотта, так что нападение воинствующего инкуна было практически неизбежно – особенно если учитывать те тягучие неопределенные термины, которыми Лиззи пыталась отвадить его: *в ближайшее время, скорее всего... почти наверняка этим летом...* И все же Вудбади пошел в атаку только после того, как она пообещала ему позвонить, «как только осядет пыль».

Он заявил, что она не смеет называть себя душеприказчиком величайшего американского литератора лишь потому, что делила с ним постель. Это работа для настоящего эксперта, продолжал Вудбади, и да, он отдает себе отчет в том, что миссис Лэндон не удосужилась даже окончить

³ Названия различных интернет-ресурсов, и если первые три из них вполне пристойны (Хэнк Вильямс, 1923-1953, популярный американский певец и композитор, автор около 200 песен), то последний – аллюзия на порнографические порталы.

колледж. Он напомнил ей о том времени, что прошло с момента смерти Скотта, и о том, что в обществе растут слухи о кипах неопубликованных рассказов Лэндона... возможно, даже романов. Почему бы ей не дать ему возможность изучить наследие писателя? Почему бы ей не впустить его в рабочие комнаты Скотта и не положить конец этим возмутительным слухам? Все это время она может находиться рядом, конечно же.

- Нет, - ответила она, указывая на дверь и стараясь не замечать собравшихся домиком бровей профессора (который, похоже, был по-настоящему безумен). - Я еще не готова. И когда придет время, я займусь всем сразу, а не только рукописями.

- Но...

- Все по-прежнему, - с серьезным видом кивнула Лиззи.

- Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Разумеется, он не понимал. Это была частичка их личного секретного языка. Сколько раз Скотт залетал в комнату, восклицая: *все по-прежнему?* Имея в виду: *все в порядке? все как надо?* Но как и в любой идиоме, во фразе прятался скрытый смысл (как-то Скотт попытался объяснить ей это, но Лиззи сама все прекрасно понимала). А вот человек вроде Вудбади никогда не поймет скрытого смысла выражения *все по-прежнему*. Лиззи могла бы втолковывать ему весь день - и он все равно бы не понял. Почему? Потому что он был инкуном, а инкунов всегда интересует лишь одно.

- Неважно, - сказала она профессору Вудбади в тот день.
- *Скотт* бы понял.

3.

Если бы Аманда спросила Лиззи, где теперь находятся все «памятные штуки» Скотта - статуэтки, награды и так далее - ей бы пришлось солгать (вещь, которую она проделывала достаточно ловко для человека, весьма редко прибегающего к подобным хитростям) и сказать, что все это хранится в «Юсторит», Мекэник Фоллс. Однако Аманда не спрашивала - только продолжала перелистывать свой блокнот, пытаясь заставить сестру заговорить первой. Лиззи тоже молчала - она удивлялась про себя, насколько же этот угол пуст, насколько он скушен без вещей Скотта.

В конце концов Аманда не выдержала и раскрыла свой блокнот.

– Взгляни на это, – сказала она. – Только взгляни.

Ее палец лежал на первой странице, усыпанной цифрами – они были насажены на синие строчки между белой спиралью переплета и правой кромкой листа. *Это похоже на шифрованные сообщения от полоумных, которых так часто можно встретить на нью-йоркских улицах – всего лишь потому, что на содержание общественных психиатрических лечебниц у государства постоянно не хватает денег, устало подумала Лиззи.* Большинство цифр были обведены кружками, несколько – квадратами. Аманда перевернула страницу... и там обнаружилось в два раза больше точно таких же чисел. Этот странный шифр обрывался лишь на середине следующей страницы, последней цифрой была 846.

Это забавное выражение высокомерия на лице Аманды было знакомо Лиззи. Когда ей было два, а Аманде двенадцать, такое выражение означало, что сестра опять Задирает Нос. Лиззи с интересом (и опасением) выжидала, пытаясь понять, по поводу чего Аманда задирает нос теперь – в последнее время ее чудаковатость только усилилась. Возможно, всему виной жаркая погода. А может внезапное исчезновение старинного бойфренда. Если внезапный эмоциональный приступ вызван тем, что Аманду бросил Чарли Корриво, тогда Лиззи лучше пристегнуть ремни. Корриво никогда ей не нравился, она не доверяла ему, пусть он и работал банкиром. Как можно доверять человеку, которого, как она случайно подслушала в «Добродушном тигре», называют «Стреляй-фасоль»? Что это за прозвище для банкира? Что оно вообще, черт возьми, значит? И, разумеется, она прекрасно помнила, что у Аманды уже были проблемы...

– Лиззи? – произнесла Аманда, нахмутив бровь.

– Извини. Я... отвлеклась на секунду.

– Ты слишком часто отвлекаешься. Думаю, это у тебя от Скотта. Соберись, Лиззи. Я пронумеровала все его журналы, альманахи, ученые труды... все то, что свалено у той стены.

Лиззи кивнула, словно понимала, куда клонит сестра.

– Карандашом, легонько, – продолжила Аманда. – И все равно я старалась, чтобы ты не видела, как я это делаю. Боялась, что ты рассердишься.

– Я бы не рассердилась.

Она взяла блокнот в руки. На страницах блестели капельки пота.

- Восемьсот сорок шесть! Ничего себе!

Лиззи знала, что ни один из этих журналов она не стала бы читать или хранить дома – такие, например, как «О», или «Прилежная домохозяйка», или «Мисс»... а особенно такие, как «Мерцающий поезд», «Открытый город» или журнал с непонятным названием Piskyа.

- Вообще-то больше, – сказала Аманда и указала большим пальцем на груды книг и газет, о которой говорила. Лиззи взглянула и поняла, что сестра права, что их там гораздо больше, чем восемьсот сорок шесть, должно быть больше.

- Тысячи три или около того. Восемьсот сорок шесть – это только те, где есть твоя фотография.

Это было сказано так неуклюже, что Лиззи поначалу даже не поняла, о чем речь. А когда поняла, то пришла в восторг – она даже не подозревала о том, что подобный фотоархив может существовать, это открытие удивило и обрадовало ее. К моменту смерти Скотта их брак пересек возрастную отметку в четверть века – и за все эти годы Скотт не провел впустую ни секунды, заполняя короткие паузы между книгами бесконечными поездками по стране, иногда посещая со своими лекциями и публичными чтениями до девяности университетов в год, а если выдавалась свободная минутка в поездке – что ж, это время уходило на написание короткого рассказа, еще одного из бесчисленного множества. Почти всегда Лиззи была рядом. В скольких мотелях она, под монотонное бормотание очередного телевизионного ток-шоу, гладила его костюм, в то время как Скотт набивал что-то на небольшой печатной машинке (сразу после замужества) или едва слышно перебирал клавиши ноутбука (в последние годы), и запятая слипшихся волос касалась его брови?

Аманда кисло косилась на нее, явно не одобряя такую реакцию.

- Те, что обведены кружочком – а их почти шестьсот штук – довольно некрасиво подписаны.

- Правда? – озадаченно спросила Лиззи.

- Сейчас покажу.

Аманда заглянула в блокнот, подошла к вытянувшейся вдоль стены стопке, вновь сверилась с блокнотом и вытащила два журнала – дорогой альманах Университета Кентукки в твердом

переплете и карманного формата брошюрку с красивым и ничего не значащим названием «Паш-Пелт».

– Открывай, открывай! – приказала Аманда, и Лиззи вдруг почувствовала резкий запах пота, исходивший от сестры.

– Отмечено клычками бумаги, видишь?

«Клычки». Так их мать называла «кочки». Лиззи начала с альманаха, сразу открыв его на заложенной странице. Эта была четкая, очень удачная фотография: Скотт на кафедре, она аплодирует чуть позади, на переднем плане – восхищенные слушатели. Фотографию в «Паш-Пелт», напротив, удачной назвать было нельзя: снимок очень плохого качества, почти сплошь состоящий из крупных зерен, как если бы кто-то оставлял отпечатки плохо заточенным карандашом; то тут, то там в волокнах бумаги торчали опилки. Но Лиззи смотрела на него и чувствовала, как слезы подкатывают к горлу. На фотографии Скотт заглядывал в какой-то темный подвал, и усмешка на его лице говорила: да, точно, это место подойдет как нельзя лучше. Лиззи стояла рядом, в двух шагах, мощная вспышка выхватила из темноты ее улыбающееся лицо. Она даже разглядела свою блузку – голубая, с забавной красной полосой; то, что было ниже, навсегда потерялось в тени... но, хотя Лиззи и не могла с точностью до минуты вспомнить этот вечер, она знала, что в тот момент на ней были джинсы. Подпись под фотографией гласила: в прошлом месяце клуб Университета штата Вермонт посетил легендарный Скотт Лэндон (в компании своей подружки). Лэндон остался допоздна – читал отрывки своих произведений, шутил, всячески дурачился и даже танцевал. Мужик знает, как приступить к делу.

О, да. Мужик знал, как приступить к делу. Она могла подтвердить⁴.

Лиззи посмотрела на журналы у стены, пораженная тем богатством, что они скрывали, и решила, что Аманда, в конце концов, причинила ей боль, разбередила рану, которая заживет еще не скоро. Скотт многое знал о темных местах, настолько темных, что одиночество жгутом перетягивает горло и ты не в силах вымолвить ни слова. Лиззи, возможно, знала не так много, однако ей хватало даже частички знания. Она знала, например, что ее муж был одержим, что он старался не смотреть в зеркало – он вообще избегал отражающих

⁴ Игра слов: выражение to get down имеет много значений, среди которых «приступить к делу» и «заняться сексом».

поверхностей, если это было возможно – после захода солнца. И все же она любила его, любила, несмотря на все это. Потому что мужик знал, как приступить к делу, но мужик из дела ушел; *покинул нас*, как принято говорить, и теперь в жизни Лиззи настал новый этап, соло-этап, а повернуть время вспять и вернуть все назад нельзя.

Эти размышления бросили ее в дрожь, в голове роились ненужные, пугающие мысли

(о растениях, фиолетовых растениях, качающихся на пегих стеблях)

и она поспешила отогнать их прочь.

– Хорошо, что ты нашла эти снимки, – довольно тепло сказала она. – Из тебя вышла замечательная старшая сестра, знаешь об этом?

Как Лиззи и надеялась (но все же не верила до конца), Аманда не выдержала этот неожиданный удар. Маска капризного высокомерия сошла с ее лица, она недоверчиво смотрела на Лиззи, безуспешно пытаясь найти в произнесенных словах подвох. Она взяла блокнот, посмотрела, нахмурившись, на открытые страницы, словно была не до конца уверена, откуда взялись все эти цифры. Лиззи решила, что это хороший знак.

Затем Аманда кивнула, словно вспомнив что-то.

– На подписях к тем фотографиям, что без кружочков, хотя бы есть твое имя – Лиззи Лэндон. Но есть еще одна категория, как ты наверняка заметила. Некоторые цифры обведены квадратной рамкой. На этих фотографиях ты одна.

Аманда смотрела серьезно, почти угрожающе.

– Наверняка тебе захочется на них взглянуть.

– Конечно, – Лиззи старалась выглядеть дико заинтересованной, удивляясь про себя, зачем в течение коротких лет, что она провела с этим человеком (настоящим человеком, не инкуном), ей понадобилось сниматься в одиночку. Она подняла глаза и вновь посмотрела на эту гору журналов (всех возможных форм и размеров) и представила себе, каково это – сидеть на полу, скрестив ноги, и перебирать их пачка за пачкой, выискивать в каждом эти снимки... И в большинстве случаев – что и выводило Аманду из себя – рядом со Скоттом всегда стояла Лиззи, в метре или двух позади. Смотрела на Скотта. Если остальные хлопали, она хлопала тоже. На ее чистом лице можно было увидеть лишь вежливое внимание, ничего больше, ее лицо говорило: *мне не*

скучно с ним; ее лицо говорило: я не стану изображать восторг; ее лицо говорило: я не брошусь ради него в огонь, а он не станет это делать ради меня (вранье, вранье, вранье); ее лицо говорило: все по-прежнему.

Аманда терпеть не могла эти фотографии. Она видела на них не сестру, а приправу к основному блюду. Она смотрела на фотографии и видела, что на некоторых из них Лиззи называли миссис Лэндон, на некоторых – миссис Скотт Лэндон, а на некоторых (что было особенно горько) не называли никак. Или называли подружкой, что в сущности одно и то же. Для Аманды это было подобно смертному греху.

– Аманда?

Она взглянула на нее и с ужасом (освещение, как ни крути, было превосходным) вспомнила, что этой осенью сестре исполнится шестьдесят. Шестьдесят! В ту секунду Лиззи вдруг подумала о создании, что так терзало бессонными ночами ее мужа, создании, о котором люди вроде Вудбади никогда не узнают. Что-то крапчатое и бесконечное, лучше других видимое больными раком – когда кончились последние обезболивающие таблетки и новых не будет до утра.

Оно рядом, родная. Я не вижу его, но чувствую, как оно впивается в плоть.

Замолчи, Скотт. Не понимаю, о чем ты.

– Лиззи? Ты что-то сказала?

– Просто бормотала себе под нос, – она попыталась улыбнуться.

– Ты разговаривала со Скоттом?

Лиззи убрала улыбку с лица.

– Да. Наверное. Иногда я по-прежнему говорю с ним. Я сошла с ума, да?

– Не думаю. Если это срабатывает – не сумасшествие. Мне кажется, сумасшествие – когда даже это не помогает. А уж мне можно верить, опыт у меня имеется.

– Аманда...

Но она уже смотрела на стопки журналов, альманахов и студенческих газет. Когда сестра обернулась, Лиззи неожиданно увидела у нее на лице улыбку.

– Я правильно поступила? Мне просто хотелось сделать хоть что-то... Внести свой вклад.

Лиззи взяла сестру за руку и слегка сжала.

– У тебя получилось. Давай заканчивать с этим.

4.

Я потерялся в темноте, и ты нашла меня. Мне было жарко – так жарко – и ты принесла мне лед.

Голос Скотта.

Лиззи открыла глаза. На какую-то секунду показалось, что она очнулась от сна (короткого, но потрясающе осязаемого), в котором Скотт был мертв и ей пришлось заниматься геркулесовой работой, вычищая его конюшни. Потом она поняла, что Скотт на самом деле мертв, а то, что происходит сейчас, и есть настоящий сон. Похоже, Лиззи задремала в собственной кровати – после того, как отвезла Аманду домой.

Она плыла в лунном свете. Вокруг царил аромат экзотических цветов. Летний ветер – из тех, что поздней ночью проносятся по потаенным закоулкам вдалеке от дома – развеивал ее волосы, оголяя виски. И все же Лиззи была дома – перед гаражом, в котором находились рабочие кабинеты Скотта (так интересующие инкунов). Теперь – спасибо Аманде – она также знала, что там хранились сотни старых фотографий... словно какое-то зарытое сокровище.

Наверное, лучше бы на них не смотреть, прошептал ветер.

О, на этот счет она не сомневалась. И все же ей придется это сделать. Другого выхода нет – особенно теперь, когда известно о их существовании.

Лиззи восхитило то, что плывет она на большом, позолоченном лунной куске ткани с бесконечно повторяющимися словами ЛУЧШАЯ МУКА ПИЛЛСБЕРИ⁵. Это было так удивительно... наверное, точно так же чувствуешь себя, когда сидишь на облаке.

Скотт. Она попыталась выкрикнуть его имя и не смогла. Сон не позволил. Подъездная дорожка к гаражу исчезла, как и лужайка между гаражом и домом. На их месте росли фиолетовые цветы, вибрирующие в потустороннем свете луны.

Скотт, я любила тебя, я спасла тебя, я...

5.

Она проснулась и услышала себя, в темноте, раз за разом повторяющую одно и то же: «Я любила тебя, я спасла тебя, я

⁵ «Пиллсбери» – компания, специализирующаяся на производстве выпечки и сопутствующих товаров, эмблемой компании является симпатичный белый поваренок. Кроме того, Пиллсбери – девичья фамилия матери Стивена Кинга.

принесла тебе лед. Я любила тебя, я спасла тебя, я принесла тебе лед. Я любила тебя, я спасла тебя, я принесла тебе лед».

Лиззи лежала там, вспоминая жаркий августовский день в Нэшвилле, и размышляла (не в первый уже раз), как странно ощущать себя одной после стольких лет, проведенных вместе с другим человеком. Она считала, что два года – достаточный срок для того, чтобы это ощущение ушло, и все же оно не исчезало. Время, без сомнения, лишь притупляет лезвие горя, чтобы вместо аккуратных разрезов на теле оставались тяжелые рубленые раны. Потому что *ничего не было* по-прежнему. Ни снаружи, ни внутри, ни для нее самой. Лежа в кровати, которая до этого долгие годы выдерживала вес двух тел, Лиззи вдруг поняла, что самым тоскливым одиночеством бывает тогда, когда ты просыпаешься среди ночи и осознаешь пустоту своего дома. Понимаешь, что он принадлежит только тебе. Привыкаешь к тому, что ты и мыши в подполе – единственные живые существа на сотни метров вокруг.